

Маргарет Терри
P.S. Я буду жить. Проснуться
утром – это счастье
Серия «Счастье без границ»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6881187
Терри, Маргарет P.S. Я буду жить. Проснуться утром – это счастье : АСТ; Москва; 2014
ISBN 978-5-17-083856-1

Аннотация

Если вы когда-нибудь задумывались над тем, есть ли Бог или возможно ли чудо в вашей жизни, вам обязательно нужно прочитать эту книгу.

Эта история не художественный вымысел. Вы прочтете 55 совершенно реальных писем Маргарет Терри, написанных к своей подруге, умирающей от рака. Это вдохновляющие истории, полные сердечности и любви, истории об удачах и проблемах, о радостях и печалях... Когда кажется, что нет больше сил и уже невозможно выносить удары судьбы, задумайтесь, станет ли вам лучше, если вы опустите руки? Может, все эти жизненные испытания даны вам не просто так? А посланы, чтобы помочь вам, как помогли они героине, обрести силу, любовь, прощение, благодарность и ВЕРУ. И проснувшись однажды утром, вы поймете, что Бог рядом, и он готов помогать всем страждущим, нужно только попросить.

Эта книга – сосуд исповеди и доказательство того, что можно и нужно жить даже после необратимой потери.

Верьте, надейтесь и никогда не сдавайтесь!

Содержание

Вдохновение	5
Письма	7
Настоящая семья	7
Богатство	10
Неожиданное знакомство	12
Бездомный	14
Это действительно бесплатно?	15
Только представь	16
Великий Создатель	18
Отпуская	20
Лакки	21
Сладость лимонов	22
Бог всюду	23
Глазами рыбы	27
Чайные листья	29
Коронация Марии	32
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Маргарет Терри P.S. Я буду жить. Проснуться утром – это счастье

Для Дэб и всех тех, кто, как она, верит в чудеса...

Margaret Terry

DEAR DEB:

A WOMAN WITH CANCER,

A FRIEND WITH SECRETS,

AND THE LETTERS THAT BECAME THEIR MIRACLE

Печатается с разрешения издательства Thomas Nelson Inc., a Tennessee corporation, и литературного агентства Nova Littera SIA.

Все права защищены

© 2012 by Margaret Terry

© ООО «Издательство АСТ» перевод на русский язык, 2013

Вдохновение

*Каждый из нас – ангел с одним крылом; и мы можем летать,
только обняв друг друга.*
– Лучано де Крещенцо

– Я надеюсь на чудо. – Я напрягла слух, чтобы расслышать ее слова, сказанные слабым хриплым шепотом сквозь прерывистое дыхание. – Мне нужна ваша помощь, чтобы верить.

Дэб не говорила, что совершится чудо, а только то, что она верит и надеется. Мы сидели в кругу друзей, которые встречались в детском приюте при церкви, чтобы молиться вместе с ней, после того, как недавно ей поставили диагноз: неоперабельный рак легких четвертой стадии. Мы все знали, что значит неоперабельный, но не осмеливались говорить об этом вслух. Неоперабельный означало смертельный, слово, которое не должно звучать в детском приюте, слово, которого не существовало, когда мы были детьми и пели: *«Палки и камни будут ломать мои кости, но слова никогда не ранят меня»*. Дэб страдала от рака молочной железы несколько лет назад. Звание «Выживший» она носила до того дня, пока «смертельный» не постарался заменить его.

Меня удивило приглашение молиться за нее. На меня можно рассчитывать, когда нужно приготовить еду для больного или если требуется помощь в планировании сбора средств. В таких случаях я весьма кстати со своими маркетинговыми идеями и чемоданом, полным пожертвований. Но мне неловко молиться вслух в присутствии посторонних людей. Кроме того, я не была близка с Дэб. Мы встречались в церкви в течение шести лет. Она занималась планированием выездных и исследовательских групп, человек, готовый прийти на помощь, даже когда ее не просят. Я знала, что она любила красное вино, матоун и Баффало Сейбрз¹, но за стенами церкви мы с Дэб не общались. Мы не разговаривали по телефону, не встречались, чтобы выпить по чашечке кофе или сходить в кино. Я не знаю, почему такие вещи происходят в церквях. Каждое воскресенье на протяжении многих лет мы обнимаем одних и тех же людей, мы видим, как растут их дети, и мы разделяем их трудности и радости, но по каким-то причинам мы ограничиваем наши отношения общением в стенах церкви. Может быть, поэтому я согласилась присоединиться к группе и молиться за нее. Она была больна, и я подумала, что ей, вероятно, нужен лучший друг, чем была я.

После того, как мы закончили молиться, Дэб отказалась ото всех предложений в помощи по приготовлению еды, уборке ее дома или выполнению иных поручений. Когда мы спросили, что мы можем сделать для нее, она ответила:

– Пришлите мне ободряющие слова и верьте в мое чудо.

Ободряющие слова – это, безусловно, по моей части.

Я рассказывала истории с тех пор, как мне исполнилось шесть лет, когда моя мать впервые прошла сеанс электрошоковой терапии. Я рассказывала истории, чтобы мои сестры не шумели, пока мама спит после процедур. Она спала подолгу. Сон был ее спасением, ее единственным прибежищем от борьбы с депрессией, которой она проигрывала, независимо от того, насколько сильное напряжение атаковало ее тело. Тогда в нашем доме не было книг, но у нас был каталог Сирса, в котором было много фотографий улыбающихся детей, одетых на каждый случай. Мои сестры и я прижимались плечом к плечу на нашем большом, старом, потрепанном диване и листали страницы этого каталога туда и обратно до тех пор, пока не находили подходящие обувь и сумочки для наших вымышленных приключений. Мы

¹ Баффало Сейбрз (англ. Buffalo Sabres) – профессиональный хоккейный клуб, выступающий в Национальной хоккейной лиге. Штат Нью-Йорк, США.

путешествовали в далекие страны, куда нас отправляло мое воображение, и мои сестры, мой верный экипаж, жаждали чуда так же, как и я.

Когда я писала Дэб свое первое письмо, я изо всех сил старалась избегать слов «Я верю в ваше чудо». Как я могла обнадеживать ее, когда врачи Дэб не могли ей помочь? За десять дней я отправила по электронной почте несколько оптимистичных историй, которые звучали неубедительно, мои слова выдавали отсутствие веры в ее чудо.

В день, когда Дэб получила известие, что у нее опухоль мозга, которую необходимо удалить до начала лечения ее легких, я почувствовала головокружение, думая о том, как она продолжает надеяться победить рак дважды. Я знала, что Дэб была сильной. Она была высокой, спортивной и играла в женской хоккейной команде. Помимо этого, она была верующим человеком и могла бороться духовно и физически, но рак в ее мозге и легких не мог не пугать.

И тогда мои письма изменились.

Я не знала, что чувствуют люди, заболевшие раком, но мне был хорошо знаком страх. Я подумала обо всех тех моментах, когда я была напугана событиями, независимыми от меня, об историях, которыми я могла бы поделиться с Дэб, если бы мы стали более близкими подругами или если бы у нас было больше времени. Так я начала писать ей свои рассказы. Я писала ей о своем разводе и том, какой неожиданностью он стал для меня. Я писала о том, как меня поймали на воровстве в магазине и о лучшем танцоре, которого я знала, несмотря на то, что у него не было ног. Когда Дэб ответила, что «независимо от того, насколько плохо я себя чувствую, теперь у меня есть то, чего я жду с нетерпением, – это ваши письма», я продолжила писать. Она была слишком больна, чтобы есть, но не так больна, чтобы не читать.

Болезнь Дэб дала мне шанс заглянуть в окно моей жизни, и то, что я увидела, поразило меня. Я увидела чудеса, которые ждали, чтобы я рассказала о них.

Дэб давала читать мои истории друзьям и своей семье, и письма обрели крылья. Через три месяца, сотни людей из семи стран читали письма к Дэб каждый день. Они писали в ответ о том, как боролись со своими жизненными трудностями, не переставая надеяться. Некоторые рассказывали о своих собственных чудесах; другие мечтали о них.

Когда я писала, я была уверена, что мы с Дэб строим мост, который никогда не сможем пересечь. Требуется годы, чтобы обрести доверительные отношения. Мне было ясно, что что-то я получаю и в то же время что-то теряю. Я оказалась на гребне волны, которая разобьется, достигнув берега, но я надеялась, что до тех пор, пока я буду писать, Дэб будет жить. За полгода я написала сто два письма к ней. В течение этих шести месяцев я видела ее только три раза, но за часы, проведенные вместе, между нами возникли узы, над которыми не властно время. Она не хотела думать о том, сколько времени у нее осталось, – вместо этого Дэб сосредоточилась на жизни, составляя планы до последнего вдоха.

Дэб было пятьдесят пять лет, когда она умерла.

Ниже представлены пятьдесят пять писем, одно за каждый год, когда она украшала этот мир своим неповторимым присутствием.

Письма

Настоящая семья

Дорогая Дэб,

– Твой папа – *настоящий* папа, мам? – Патрик стоял рядом со мной перед раковиной в ванной комнате, размером с наперсток. Он наклонился над тумбочкой и прижался носом к зеркалу.

– Да, это настоящий папа. – Я улыбнулась его отражению, хлопая ресницами, чтобы проверить, хорошо ли держится тушь. Я использовала водостойкую, на тот случай, если меня подкараулят слезы при встрече с ним. – Он *мой* папа, дорогой. – Мои сыновья знали моих сестер и мою маму, которые навещали нас в Миннесоте в течение многих лет, но они никогда не встречались с моим отцом.

Этой осенью отец решил, что пришло время познакомиться со своими внуками. Майклу и Патрику было одиннадцать и восемь. Они знали только его имя Дональд, то, что друзья в средней школе называли его Даки и что он живет в штате Огайо. Он много раз собирался приехать к нам в гости, но до сих пор не выполнил своего обещания. Письма и открытки, которые я посылала со школьными и семейными фотографиями, были настолько же немногочисленны, насколько мой отец хотел сблизиться со мной. Помимо записи о его новом месте жительства в мою адресную книгу, я тоже не очень старалась развивать отношения с ним. Он был мой настоящий отец, но у нас не было реальных отношений с тех пор, как я ушла из дома в свои двадцать с небольшим. Когда я объявила о его приезде, Майкл и Патрик обрадовались так, словно приближалось Рождество, а не мой отец. У них был дедушка! Им нравилось, что тайный незнакомец, который был мне отцом, неожиданно появляется на нашем пороге.

Отец сильно постарел. Он выглядел более привлекательным, чем в семидесятых, когда люди принимали его за Сонни Боно². Его волосы с проседью, густые и пышные, напоминали дорогой ковер. На нем был мягкий кремовый пуловер с V-образным вырезом, розовая рубашка и серые фланелевые брюки. Не удивительно, что друзья называли его щеголем.

Мальчишки играли в захват флага во дворе в ожидании его прибытия. К тому времени, когда они ввалились в кухню, новые, цвета хаки брюки Патрика были покрыты зелеными пятнами от травы, а бледно-голубая, с застежкой на кнопки рубашка Майкла была испачкана сосновой хвоей. Они стояли перед нами с горящими глазами и нетерпеливыми улыбками. Мне хотелось обнять их и воскликнуть: «*Смотри, папа! Посмотри на мою работу! Разве они не красавцы?*»

Но я сдержалась. Мне не хотелось, чтобы отец догадался, как для меня было важно, чтобы он гордился мной. После его двадцатилетнего отсутствия в моей жизни я сама удивилась, что мне не все равно.

Встав между Майклом и Патриком, я положила руки им на плечи.

– Папа, это Майкл и Патрик.

Майкл протянул отцу руку.

– Привет, дедушка. Я Майкл, – прошептал он.

Я думала, мое сердце вырвется из груди, как ракета в мультфильме.

– О боже... о... – Отец пожал руку Майкла и отступил на шаг назад. Он прочистил горло, кашлянул и вытер глаза тыльной стороной руки. – Он выглядит... он выглядит как...

² Сонни Боно – американский автор-исполнитель.

он выглядит как я... Он мог бы быть моим близнецом... – Отец прижал ладонь к сердцу и опустил на кухонный стол. Он не мог отвести глаза от Майкла. – Это что-то сверхъестественное, – сказал он, покачивая головой, – я просто не могу поверить в такое сходство.

Майкл сел перед ним.

– Ты выглядел как я, когда тебе было одиннадцать, дедушка?

– Абсолютно, приятель! Я пришлю тебе мою фотографию в начальной школе, чтобы ты сам убедился. – Отец откинулся назад, опираясь ладонью на стол.

Майкл, подражая ему, разглядывал свои руки, проверяя, есть ли сходство и между ними. Мне показалось, что поднялся занавес и я смотрю на картину из моего детства. Отцовские сильные, мужественные руки, всегда с безупречными, ровно подстриженными ногтями. Руки, которые кружили меня, изображая самолет. Руки, которые показывали мне, как ловить мяч. Руки, которые хлопали громче всех, когда я выходила на поклон после школьного спектакля.

От избытка чувств мне казалось, что сквозь меня пропустили разряд тока. Меня охватило сильное желание броситься между сыном и отцом, крепко сжать их руки. Я жаждала узнать, что я почувствую, коснувшись их обоих одновременно, чтобы ощутить связь и понять, что чувствуют другие семьи. Семьи, которые вместе отмечали праздники. Семьи, которые умеют прощать и не боятся своего прошлого.

Но я не двигалась. От нервного напряжения у меня начался тик. Я держала палец на пульсе до тех пор, пока он не пришел в норму.

Патрик присоединился к ним за столом.

– Я рад, что ты здесь, дедушка. – Сцепив руки в замок, он потянул свои запястья, как будто играл в перетягивание каната.

– Эй, дедушка? – окликнул отца Майкл. – У меня есть вопрос!

– Слушаю, малыш, – отозвался отец, наклонившись вперед.

– Почему ты так долго собирался встретиться с нами? Мне уже одиннадцать, знаешь. – Он снял сосновую иголку с рукава и щелчком отправил ее на пол.

– Ну-у-у-у, что ж. Я думаю, что это вопрос на миллион долларов, Майкл! – Отец глубоко вздохнул и откинулся назад. – Это *очень* хороший вопрос, Майкл... очень хороший. Он выдохнул со свистом и взглядом попросил у меня помощи.

Я пожалала плечами. Что я могла сказать, чтобы помочь ему, если я сама не понимаю, почему его так долго не было в моей жизни? Я много раз просила его приехать в Миннесоту и познакомиться с моими сыновьями, но он по каким-то причинам не делал этого.

– Дедушка? – Майкл постучал указательным пальцем по руке отца. – Почему ты не приезжал сюда раньше?

– Правда в том... – Отец прочистил горло. – Правда в том... У меня нет ответа, Майкл. Я действительно не знаю, почему я так долго не приезжал сюда встретиться с вами. – Низко склонив голову, он смотрел на свои колени.

Патрик и Майкл изучали его, отца моего детства, который когда-то был мальчиком, похожим на них.

Отец посмотрел на них затуманившимися глазами.

– Но теперь я здесь, и надеюсь, что могу стать частью вашей семьи, – он по-мальчишески улыбнулся, – с этого момента, прямо сейчас, если вы позволите.

Майкл, поднявшись, просял:

– Ты и так наша семья, дедушка. Черт побери... Ты же папа моей мамы!

– Да, – эхом отозвался Патрик. – Ты – папа моей мамы! Ты уже семья.

Они бросились и без стеснения обняли его.

Они любили его, потому что он был частью семьи.

И они любили его, потому что он был с ними.

Ибо где сокровище ваше, там и сердце ваше будет.
– *МФ 6:21*

Богатство

Дорогая Дэб,

мне было десять лет, когда я впервые почувствовала себя богатой, найдя пятидолларовую купюру на соседской лужайке по дороге в школу. Знакомая синяя (канадская) банкнота, аккуратно расправленная, лежала на густой, влажной от росы траве. Из-за апрельских дождей мы не успели исследовать наш новый район, но в то сверкающее в солнечных лучах утро, улица переливалась калейдоскопом всех оттенков зеленого на зависть самой Амазонке.

Я стояла над этим маленьким синим прямоугольником, сияющим ярче, чем горшок золота, под пристальным взглядом королевы Елизаветы и не могла поверить в такое везенье – я была богата.

Банкнота насквозь промокла, и мне хотелось выжать ее как губку, но я боялась, что она порвется. За пять долларов в 1962 году был выкуплен король. И у меня никогда не было собственных пяти долларов. С большой осторожностью я подняла их с газона, сложила пополам и сунула в карман, чтобы не потерять. Когда я добралась до конца квартала, меня охватила паника. Что, если половинки банкноты слипнутся и я не смогу их оторвать друг от друга? Я снова достала купюру и попробовала ее высушить. Я дула на нее, пока не закружилась голова, а потом промокнула своим толстым шерстяным килтом, надеясь, что ткань впитает влагу. Но это не помогло, и тогда я, подняв руки над головой, подставила банкноту ветру, подобно вымпелу на гоночном автомобиле. Так я добежала до школы, но купюра по-прежнему была сырой, как старая кухонная тряпка, которая никогда не высыхает.

Только перед дверью в класс мне в голову пришла блестящая идея. Банкноту можно спрятать и заодно высушить, спрятав ее под поясом моей юбки. Я разгладила складки на купюре пальцами и прижала ее к животу. Холодная бумага прилипла к моей коже. Мне стало интересно, богатые чувствуют то же самое?

Мисс Андерсон говорила без умолку о новой концепции предстоящей научной ярмарки, а я фантазировала о всевозможных способах потратить мое новообретенное богатство. Я ВСЕГДА мечтала о Барби, но мама считала, что это слишком дорогая игрушка, и я, имея трех младших сестер, вообще не нуждаюсь в куклах. Настоящая Барби стоит 3,99 доллара. Даже у моей сестры – тезки Барби – не было настоящей куклы Барби. Она делала вид, что ее дешевая подделка – настоящая, а мы не спорили, хотя все видели разницу. Моих пяти долларов хватит на то, чтобы доехать на автобусе до универмага самообслуживания в центре города, купить мою любимую Барби в полосатом купальном костюме и пакет сырного попкорна, чтобы съесть его весь по дороге домой в автобусе.

Мечтая о Барби и о том, как чудесно будет слизывать крошки сырного попкорна с пальцев, я неожиданно почувствовала, что вся вспотела. Я смахнула соленые капли, стекающие мне за шиворот, и вытерла руку о юбку. Мне стало любопытно, а что сделала бы мама с пятью лишними долларами?

Она купила бы продукты? Или положила бы их в конверт на холодильнике, на черный день?

Я не знала, сколько денег нужно на черный день, но однажды я подставила кухонный стул к холодильнику, чтобы заглянуть в конверт, и нашла там сорок три цента. Я надеялась, что на этот раз она потратила бы их на продукты. Мы только что опять переехали, потому что ей пришлось выбирать между оплатой аренды и покупкой еды. Так происходило всегда, когда отец уходил от нас. Мама плакала каждый раз, готовя кашу нам на обед. Я постоянно повторяла ей, что люблю кашу и мы можем есть ее и на завтрак, и на ужин, но это ее не успокаивало. И независимо от того, как часто мы ели кашу и сколько получали купонов на

скидку, приклеивая их в специальные маленькие книжечки, денег никогда не хватало и на продукты, и на оплату аренды дома, когда отец не жил с нами.

Я почувствовала, что найденные пять долларов обжигают мою кожу. Я вытащила их из-за пояса и положила в середину учебника по математике, где банкнота станет сухой, чистой и плоской, как красные кленовые листья, которые мне нравилось собирать осенью. После звонка, я быстро собрала книгу и карандаши. Десятки раз я носила эту книгу домой, но в тот день она казалась такой тяжелой, что я не успела прийти домой вовремя и помочь маме с ужином. Войдя в нашу полутемную прихожую, я сделала то, что делала всегда после переезда в новый дом. Я поискала ботинки моего отца. И когда их не оказалось, я почувствовала знакомый комок в горле, напомнивший, что, даже если мне очень грустно, нужно делать вид, что все хорошо. Я прошла в гостиную, где мелодия «Я люблю Люси» разрывала телевизор.

Я достала пять долларов из учебника по математике и последний раз посмотрела на смягчившееся лицо Королевы. Я знала, как нужно поступить.

– Мама, – крикнула я. – Угадай, что я нашла сегодня...

Сыт я или голоден, я могу превозмочь все, с помощью Того, Кто дает мне силы.

– *Флп. 4:12–13:00*

Неожиданное знакомство

Дорогая Дэб,

Майклу было три недели, когда я надела на него пушистый зимний флисовый комбинезон и закутала в одеяла, чтобы отправиться на наш местный продуктовый рынок. Был ранний декабрь, наша первая зима в Детройте, стоял сильный мороз. Зима объявила о своем прибытии двухдневным ледяным снегопадом, который пронесся по Мичигану арктическим реактивным потоком. Меня беспокоило, что несколько кварталов до рынка – это слишком долгая прогулка для новорожденного малыша в такую погоду, но выдержать еще один день в четырех стенах я не могла.

Переход от карьеры маркетолога к смене подгузников днями напролет оказался сложнее, чем я ожидала. Покидая Канаду из-за карьеры мужа, я сделала выбор ради любви, но из-за его постоянных командировок казалось, что любовь осталась где-то в прошлом, вместе с моими родственниками и прежней жизнью. В пригороде Детройта без друзей и семьи я чувствовала себя одиноко. Несмотря на то что меня воодушевляло рождение чудесного малыша, я ощущала, как будто что-то сломалось внутри. До родов прогулки поднимали мне настроение, и сегодня я решила, что стоит снова попробовать.

Я остановила коляску у входа, рядом с тележками для покупок, и вынула Майкла из-под тяжелых одеял. Он тихо посапывал во сне. Видимо, я слишком сильно укутала сына: его лоб увлажнился, а щеки покраснели. Развязав его бежевую вязаную шапочку с ушками ягненка на макушке, я взглянула на его крошечное лицо и почувствовала сильный толчок в груди, как будто сердце ударилось о ребра. Это случалось по нескольку раз в день: когда я пеленала его или когда представляла его невинное личико, прежде чем заснуть, и каждый раз неожиданно, как Шинук, спускающийся со Скалистых гор теплый, сухой ветер, способный растопить самый морозный зимний день. Конечно, я любила моего ребенка, но я чувствовала, что мое сердце любит его еще больше.

От прилавка мясника через весь магазин тянулась длинная очередь, поэтому я прихватила себе номерок. Рынок был наполнен ароматами имбирного печенья и рождественской елки, напоминая мне о родном доме. Банки с домашними джемами и чатни с разноцветными, сделанными от руки надписями «*Варенье из черники из моего сада*», «*Персиковый чатни от тети Эли*» были расставлены на верхней полке прилавка. К стене была придвинута корзина со связками веток белой ели, с дружелюбной надписью на ценнике: «*От нашего дерева вашему очагу, 8 долларов за пучок*». Майкл спал в детской перевозке, приделанной сверху тележки для покупок. В ожидании своей очереди я положила руку на его колени.

– Номер тридцать девять! – выкрикнул мясник.

Я, зевнув, посмотрела на мой сорок второй.

– Извините, мадам. Сколько лет вашему ребенку? – Высокий, пожилой мужчина подошел ко мне, приподняв с головы черную фетровую шляпу. Его абсолютно седые волосы были разделены аккуратным боковым пробором. В руке он держал полированную деревянную трость и был одет в черное пальто до колен, с жемчужно-серым шелковым шарфом на шее.

– Ему три недели. Это его первый выход. – Я улыбнулась и стянула шапку с головы Майкла, чтобы он мог увидеть нежные локоны моего сына.

– Вот это да! – сказал мужчина. – Целых три недели... двадцать один день дыхания, двадцать один день его маленького «я» в этом огромном мире.

На его губах затрепетала улыбка, осветив его розовое лицо.

– Мне девяносто два, и я не видел сегодня никого прекраснее вашего мальчишка.

Он смотрел на меня ясными глазами, неопределенного серого цвета, и мне стало любопытно, были ли они когда-нибудь голубыми.

– Можно я прикоснусь к его лицу? – Он указал тростью на мою тележку. – Вы не против?

Я наблюдала, как он с трудом снимает свои кожаные перчатки, и согласилась, продолжая держать свою руку на коленях Майкла. Потянувшись к личику ребенка, он замер на полпути, как художник, размышляющий, где сделать следующий мазок кистью. Затем, все также медленно он провел согнутым пальцем по щеке малыша.

– Прекрасно. – Он вздохнул. Слезы лились из его серых глаз по впалым щекам и капали на его шелковый шарф. – Посмотрите, какое совершенство создал Бог! Он повернулся ко мне и тем же согнутым пальцем указал на меня. – И если подумать... он создал его только для вас. Он снова приподнял свою шляпу, поклонился и поблагодарил меня за знакомство с моим сыном. Я снова почувствовала это в своей груди... *Удар.*

И обнял он детей, возложил на них руки и благословил их.

– *Мк. 10:16*